

Социальный капитал: проблемное поле и эмпирическое изучение*

Людмила Александровна
БЕЛЯЕВА

Институт философии РАН

Москва, Российская Федерация, 109240, ул. Гончарная, 12

E-mail: bela46@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0538-7331

Аннотация. В статье проанализирована концепция социального капитала как удачной метафоры, объединяющей под своим «зонтиком» целый спектр отношений, способных воздействовать на успешность или неуспешность деятельности человека, малых групп, организаций, предприятий, общества, наконец, межгосударственных объединений и союзов. Показано, что исследование социального капитала сопровождается неустанными спорами о существовании концепции, есть сторонники и противники признания ее правомерности и рациональности использования в научном анализе. Несмотря на имеющиеся разногласия, и сторонники, и критики социального капитала отмечают продуктивность использования этого понятия, за которым стоит сложное социальное явление, требующее углубленного изучения. Социальный капитал рассмотрен применительно к масштабам тех объектов, принадлежностью которых он является и действует на микро-, мезо-, макро- и метауровнях. На любом из них социальный капитал дает выгоды и закрепляется в экономическом, политическом, культурном преимуществе. Составной частью социального капитала, как показал польский социолог П. Штомпка, является моральный капитал, который позволяет выстраивать отношения, основанные на доверии, лояльности, взаимности, солидарности, уважении и справедливости. Встраивание морального капитала в культуру общества создает прочный фундамент отношений, «работающих» на результат развития в той или другой сфере и на прогресс всего общества. Действия по моральным правилам способны смягчить имеющуюся несправедливость в распределении социального капитала. Удачным примером использования концепции социального капитала явилось исследование, выполненное учеными

* Статья написана при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-03-50073-ОГН «Социальное пространство современной России».

Для цитирования: Беляева Л.А. Социальный капитал: проблемное поле и эмпирическое изучение // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 154–166. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.10

For citation: Belyaeva L.A. Social capital: problem field and empirical research. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 4, pp. 154–166. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.10

из Вологодского научного центра на основе разработанной индикаторной модели. Была показана связь социального капитала с социокультурным и экономическим развитием территорий, выявлены актуальные проблемы распространения социального капитала за пределы малых, ближних кругов взаимодействия. Решение этих проблем является актуальной политической и социальной задачей для повышения солидарности в обществе, преодоления отчуждения населения от власти, возникновения и укрепления между ними взаимного доверия.

Ключевые слова: социальный капитал, его компоненты, моральный капитал, индикаторная модель, солидарность.

Введение. Проблематика социального капитала стала чрезвычайно популярной среди российских социологов в последние десятилетия. В российской базе РИНЦ насчитывается около 130 публикаций, вышедших только за период 2010–2018 гг. и использующих в своих названиях термин «социальный капитал». Можно обозначить несколько причин такой популярности. Первая причина, как это ни обидно для отечественного обществоведения, состоит в том, что в этом случае, как и во многих других, разработка нового понятия и нового направления начинается со знакомства с зарубежными публикациями по конкретной теме и происходит с некоторым отставанием от мировых трендов. Трудно назвать понятия, приоритетное изучение которых является заслугой современных отечественных обществоведов. Но после знакомства с зарубежными источниками в стране начинается массированное исследование по новому направлению. Так было и с социальным капиталом. Понятие «социальный капитал» как составную часть нематериального капитала наиболее удачно сформулировал Пьер Бурдьё: социальный капитал представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью [durable networks] более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе. Социальный капитал дает преимущества, выгоды членам группы, является основой групповых солидарностей [1, с. 15–29]. Свою лепту в теоретическое обоснование и эмпирическое изучение социального капитала внесли Т. Шульц, П. Бурдьё, Г. Беккер, Р. Коулман, Р. Патнем, Ф. Фукуяма, другие западные ученые. Следует подчеркнуть, что основоположники теории выходили далеко за пределы анализа его экономических эффектов, они видели социальное содержание в этом феномене.

Так, Бурдьё говорит о влиянии трех форм капитала на условия существования человека, которые обоснованы *общим объемом капитала* [volume global du capital], понимаемым как совокупность ресурсов и власти, которыми можно реально воспользоваться: экономический капитал, культурный капитал, социальный капитал. С некоторым опозданием – только в начале 2000-х гг., в России началось исследование социального капитала применительно к разным сферам российского общества, что и определило большой поток публикаций по теме.

Другая причина кроется в накоплении материала, который мог бы дать необходимый объем данных для эмпирического изучения влияния социального капитала на различные сферы общественной жизни и социальные объекты. Так родились такие направления, как связь социального капитала с предпринимательством, деятельностью организаций, образованием, индивидуальной карьерой и т.д. При этом широко использовались данные международных опросов, количественные и качественные исследования внутри России. Стали развиваться методики измерения социального капитала, в том числе индексные, а также компаративные исследования – внутри страны и международные. В основу этих методов положена, как правило, разработанная Р. Патнемом трехфакторная модель социального капитала: *нормы взаимности, доверие и социальные сети*, которая позволяет измерять социальный капитал с помощью индивидуальных индикаторов, сводимых в обобщающие индексы. В силу некоторой неопределенности в трактовке понятия «социальный капитал» не сложилось безоговорочно единого метода его измерения, авторы используют разнообразные методики, но получаемые результаты убеждают, что существует значимая связь социального капитала и результатов функционирования тех или иных сфер общества.

Третья причина внимания к проблеме социального капитала, которая пока четко не артикулирована в отечественной социологии, эмпирически не исследована, но интуитивно ощущается — это взаимосвязь социального и символического капитала. Как отмечал П. Бурдье, социальный капитал всегда функционирует как символический капитал, а это кредит, аванс, который дается тому, кто его демонстрирует. Символический капитал — один из механизмов, благодаря которым капитал идет к капиталу [2, с. 235]. Среди разновидностей символического капитала основное внимание исследователей притягивает к себе политический капитал, означающий доверие к политическому актору — деятелю или партии, руководителю или институту. Их символический капитал значим для проведения выборов, осуществления преобразований, даже глубоких реформ, затрагивающих жизнь всего общества. Не менее значим, но слабо исследован символический капитал организаций, фирм, руководителей, который важен для хозяйственных отношений, для реализации доверия между хозяйствующими субъектами в достижении их целевых результатов.

Несмотря на активное использование конструкта «социальный капитал», не до конца прояснена суть этого понятия. Есть основания считать, что это довольно-таки эластичный термин, обладающий *зонтичным эффектом*, поскольку он включает множество предметов исследований — от отношений между отдельными людьми до отношений между государствами, междисциплинарные исследования (экономические, социологические, управленческие, психологические и другие дисциплины) и монодисциплинарные подходы, а также зачастую несопоставимые эмпирические методики изучения этого феномена. Объяснить такое положение можно «молодостью» этого понятия в современных исследованиях и отсутствием безусловного авторитетного международного опыта его изучения. Некоторые аргументы «в защиту» концепции социального капитала и его критика будут рассмотрены далее.

Социальный капитал: за и против

Можно привести доводы в защиту социального капитала как исследовательской концепции, отвечающей современной трактовке капитала в качестве ресурса, способствующего

достижению преимуществ в экономической деятельности и вообще жизненного успеха. Но можно найти и аргументы против, показывающие нечеткость термина «социальный капитал», его уязвимые трактовки и многозначность. Рассмотрим эти позиции на примере двух статей — П. Адлера и С. Квон из США и Т. Клариджа из Новой Зеландии.

В статье П. Адлера и С. Квон «Социальный капитал: хороший, плохой и безобразный» [3] представлена аргументация в пользу существования концепции социального капитала и рациональности ее использования для анализа, определения источников, выгод и рисков социального капитала для деятельности организаций. Авторы предлагают свое, довольно удачное определение социального капитала: это ресурс для отдельных и коллективных субъектов, созданный конфигурацией и содержанием сети их более или менее устойчивых социальных отношений. Наряду с другими формами капитала социальный капитал является ресурсом, в который можно инвестировать другие ресурсы — человеческие, экономические, культурные, создавая свою сеть внешних связей как индивидуальных, так и коллективных. В отличие от других форм капитала, социальный капитал «расположен» не в субъектах, а в их отношениях с другими субъектами. И в этом состоит самая общая и принципиальная разница.

Индивиды могут увеличить свой социальный капитал, получив доступ к ценным контактам и информации; коллективные акторы могут укрепить свою коллективную идентичность и расширить свои возможности для эффективного управления, вкладывая средства в развитие своих внутренних отношений. Источники социального капитала сводятся к трем компонентам: сети, нормы и доверие. Обращает на себя внимание, что авторы рассматриваемой статьи настаивают на концептуальном отличии доверия и социального капитала (некоторые ученые их отождествляют, в том числе в эмпирических исследованиях). Доверие, по мнению авторов, является одновременно источником и результатом социального капитала. Доверие — это психологическое состояние индивидов, тогда как социальный капитал является особенностью социальной структуры, характеристикой существующих социальных отношений. Дополнительный вклад в социальный капитал

помимо названных трех компонентов вносит человеческий капитал за счет формирования общих норм и убеждений, а также создаваемых формальных правил и институтов.

Авторы статьи выявляют преимущества, которые дает социальный капитал в рыночной экономике: расширенный доступ к источникам информации; власть, влияние и контроль, позволяющие эффективно руководить коллективом; солидарность на основе единых социальных норм и убеждений (наиболее развиты в закрытых социальных сетях), уменьшение потребности в формальном контроле.

Доводы П. Адлера и С. Квон частично парирует Тристиан Кларидж из Новой Зеландии — специалист по изучению социального капитала и организационной культуре. В статье «Критика теории социального капитала и уроки для совершенствования практики» [4] он рассматривает аргументы, которые выдвигают ученые, несогласные с концепцией социального капитала, указывающие на ее слабые места. Сам автор не является противником концепции социального капитала, но пытается сосредоточить внимание на ее недостатках, чтобы улучшить практику ее использования в проектах — исследовательских и практических. Вслед за критиками он считает, что нельзя говорить о социальном капитале как целостной концепции, хотя и отмечает, что есть некоторое согласие ученых и практиков относительно определения социального капитала, его размеров, измерения и тенденций формирования. Он отмечает, что существующая критика социального капитала относится к сугубо теоретическому подходу в его рассмотрении, тогда как само существование социального капитала не отрицается. Часть ученых, в основном экономисты, ограничивают социальный капитал экономической рациональностью. В этом случае социальный капитал утрачивает свои свойства социальности, социальное в нем преуменьшается и сводится к характеристикам чего-то другого. Хорошим примером социальности социального капитала является доверие, которое можно измерить при выборе адекватных показателей, сосредоточенных не только на личности, но и на воздействии социального окружения на поведение человека.

Следующее направление критики социального капитала сосредоточено на утверждении, что социальный капитал — это вовсе не капи-

тал. Автор статьи соглашается, что использование термина «социальный капитал» не всегда уместно, если для его применения нужно пренебрегать определенными аспектами, не относящимися к социальному.

Выводы автора статьи обращены к исследователям социального капитала и к практикам: не терять «социальное»; не относиться к социальному капиталу как к капиталу, это скорее клей, смазка или катализатор; не использовать термин «социальный капитал», если есть более подходящее понятие; не упрощать и не соединять разнородные элементы социального капитала; не игнорировать контекст, в котором социальный капитал используется; различать уровни, на которых существует социальный капитал. И наконец, Т. Кларидж предлагает не создавать собственное определение социального капитала, а использовать существующие. Можно полностью поддержать призыв этого ученого учитывать сложность рассматриваемого понятия, не упрощать взаимодействие разных аспектов социального капитала и их отношения с социальной средой.

Уровни социального капитала в нематериальных ресурсах общества

Социальный капитал занимает свое место в нематериальных ресурсах общества наряду с человеческим (включающим в себя культурный), экономическим, символическим капиталами и их внутренними структурными разновидностями [5, с. 36–44]. Между этими видами капитала нет четкой иерархии вне контекста качественных особенностей общества, но существует взаимосвязь и взаимовлияние всех видов нематериального капитала. Скажу попутно, что В.И. Даль, выделяя ещё в середине XIX в. в Толковом словаре живого великорусского языка традиционные формы капитала, замечает, что «способности, звания и труд также могут называться капиталом, как даже и самое здоровье или сила рабочего» [6, с. 216]. Общеизвестно, что в современной России пока сохраняются развитые человеческий и культурный капитал, но препятствия в его использовании создаются неразвитостью и особенностями социального капитала, не соответствующими потребностям демократического общества, проводящего модернизацию и переход к новой цифровой экономике. В исторически и цивилизационно других обществах,

прежде всего в развитых странах Европы, социальный капитал оказывает позитивное влияние на экономическое развитие, стимулируя коллективное взаимодействие в достижении общественного блага.

Если рассмотреть социальный капитал применительно к масштабам тех объектов, принадлежностью которых он является, то можно условно выделить четыре уровня. *Микроуровень* – социальный капитал индивида, малой группы, в том числе семьи, круга друзей, его носитель – индивид, малая группа; *мезоуровень* – капитал предприятий, организаций, носителем может быть отдельный индивид, например руководитель, или институт как организация; *макроуровень* – социальный капитал общества, характеризующийся системой вертикальных и горизонтальных связей, наличием близких ценностных систем и идентификацией членов общества, уровнем доверия и консолидации, носителем может быть отдельный индивид, выступающий от лица всего общества, индивиды, организованные в сообщества, взаимодействующие в целях общего развития; и наконец, *метауровень* – социальный капитал страны, репрезентирующий в нормах международного права и сотрудничества, членстве в международных организациях, международных экологических, правозащитных, других объединениях, весе страны в глобальном мире и в локальных международных союзах. Одним из феноменов глобализации стало формирование «глобального социального капитала». По мнению И.Е. Дискина, он влияет на эффективность мировой экономики через повышение доверия к системе глобальных институтов, через снижение субъективно оцениваемых рисков при совершении трансакций и, соответственно, уменьшение трансакционных издержек. В то же время глобальный социальный капитал является полем борьбы за преимущества обладания им, за выгоды, которые он дает. Сокращение социального капитала страны негативно сказывается на эффективности ее экономики. В этих условиях необходимо снижение зависимости российской экономики от спекулятивных атак производителей «глобального социального капитала». Решение этой задачи – часть установления новых «правил игры» в глобальной экономике. На рынке «глобального социального

капитала» необходима цивилизованная конкуренция [7, 150-159]. Частью этой конкуренции является борьба за располагаемый страной социальный капитал – доверие к реализуемым страной международным проектам, честность в отношениях с другими странами, способность учесть интересы не только свои, но и другой стороны.

На любом из уровней социальный капитал дает выгоды – разного объема и вида для его обладателя. Эта выгода закрепляется в экономическом, политическом, культурном преимуществе. Эффект социального капитала на любом уровне может быть измерен по масштабу его воздействия: влияет ли он на получение локальных выгод – только для своего носителя, или он формирует возможности для получения выгод себе и своему ближнему или дальнему окружению, с которым он взаимодействует. В последнем случае дается толчок к образованию новых связей, норм взаимодействия, новых совместных институтов.

В постсоветском российском обществе наблюдается трансформация структуры социального капитала по его типам. Сохранился и частично увеличился объем социального капитала на микроуровне. При высокой степени атомизированности общества сократился объем социального капитала на более высоких уровнях: индивидуалистические ценности потеснили ценности коллективные, снизилась идентификация с социальной общностью, уровень доверия и консолидации, особенно с органами управления, которые противопоставляются в сознании населения обществу. Свое влияние на эти процессы оказывает постепенный отход от ценностей традиционного общества, каким и было по своей сути советское общество. Делу увеличения социального капитала не способствуют имитационные практики общественного взаимодействия и участия в политической жизни. Ростки социальной самодеятельности: волонтерские движения, общественные фонды поддержки слабых социальных групп, экологические движения, социальные сети и прочее – демонстрируют рост доверия между членами этих образований, способствуют накоплению социального капитала, что в свою очередь дает импульсы к становлению гражданского общества.

Моральный капитал как составная часть социального капитала

Важную особенность социального капитала подчеркнул в докладе на II Форуме по модернизации в Пекине Петр Штомпка, который показал, что важным компонентом социального капитала является моральный капитал. Он позволяет выстраивать отношения, основанные на *доверии, лояльности, взаимности, солидарности, уважении и справедливости* [8]. В соответствии с темой своего доклада на форуме П. Штомпка утверждал, что для модернизации общества важно, какие в нем распространены конкретные социальные отношения, какие ценности в нем главенствуют, а именно, существуют ли моральные узы, которые в совокупности составляют моральный капитал. Автор последовательно рассматривает компоненты отношений, основанных на моральном капитале. Так, *доверие* обеспечивает мост через море неопределенности, что порождает экзистенциальную безопасность, предсказуемость реакций других, готовность инициировать взаимодействие, рисковать и принимать изменения во всех транзакциях. Напротив, недоверие порождает подозрительность и беспокорство, которые парализуют действия и взаимодействия. *Верность, лояльность* инициируют взаимодействие, готовность к риску и переменам. Напротив, нелояльность парализует действия и взаимодействия, поскольку партнеры оказываются не заслуживающими доверия, то есть ненадежными. *Взаимность* укрепляют ранее образованные связи, делая их устойчивыми и лояльными. Это создает плотную сеть отношений, открывающую шансы на сотрудничество. Противоположностью взаимности является односторонняя эксплуатация, которая отталкивает людей от социального взаимодействия. *Солидарность* означает признание и верность идее общего блага, сопровождаемые готовностью пожертвовать некоторыми личными интересами ради «мы», всей группы, сообщества или общества. Это выражение типичного человеческого стремления к социальной идентичности. И это очередная фундаментальная предпосылка сотрудничества. Если это стремление подавляется эгоцентризмом, эксплуатацией за счет других, атомизированное общество не готово к каким-либо рискованным инновационным начинаниям. *Уважение* означает вза-

имное признание достижений партнеров, вознаграждаемое похвалой, славой, престижем, восходящей мобильностью и т.д. Уважение поощряет новаторские и творческие действия, повышает самооценку, что является важным, очень ценным преимуществом для всех. Если признание и уважение отсутствуют, вложение усилий, энергии и времени, необходимых для инновационных действий, просто не окупается. *Справедливость* означает, что полученные вознаграждения пропорциональны, с одной стороны, усилиям, а с другой – ценности результата. Это поощряет стремление к новизне, потому что гарантируется, по крайней мере, некоторое вознаграждение, даже когда инновационные результаты не достигнуты, и максимальное вознаграждение, если они есть. В связи с этим повышается склонность к рискованным модернизационным предприятиям. Если, с другой стороны, распределение вознаграждений является произвольным и основано на специфических критериях (например, кумовстве), мотивация к инновационным усилиям разрушается.

Формирование морального капитала как составной части социального капитала и встраивание его в культуру общества создает прочный фундамент отношений, «работающих» на результат развития в той или другой сфере и на прогресс всего общества. Таким образом, моральный капитал можно рассматривать как составную часть, компонент социального капитала, скрепляющий его невидимыми, виртуальными нитями, делающими этот «клей» отношений еще более прочным.

Социальный капитал и его моральная составляющая находятся под воздействием многочисленных обстоятельств, меняющих их конфигурацию и возможность активно их использовать. Это замечание относится к социальному капиталу всех уровней – микро, мезо, макро и мега. При резких сменах векторов развития общества или положения страны на международной арене меняется наполнение или объем социального капитала на любом из этих уровней. Социальный капитал – это то, что можно утратить, но и то, что можно вырастить и увеличить. Он взаимодействует с системой ценностей данного общества в его прошлом, настоящем в будущем, зависит от институциональной структуры общества и векторов его эволюции. Под влиянием изменения ценностей происходит

изменение и социального капитала. Когда случилось разрушение советского общества, произошло изменение отношений между людьми, организациями, регионами, отношений России со странами мира. Социальный капитал на всех уровнях претерпел глубокие трансформации, одни акторы нарастили свои ресурсы, свой социальный капитал, другие сократили или утратили его. Если говорить о большинстве населения, то «культурная травма» вызвала резкое сокращение его социального капитала, относительно укрепив только семейный социальный капитал. Даже многие дружеские связи не выдержали изменений в человеческих отношениях в связи с трансформацией социального статуса индивидов и разностью оценок происходивших событий.

Проблема справедливости в распределении социального капитала

Социальный капитал, как и все основные виды капитала (экономический, культурный, человеческий, символический), распределен в обществе неравномерно. Но если первые три вида капитала имеют какую-то физическую субстанцию, институционализированы в различных формах: экономический — в форме прав собственности, культурный и человеческий — в форме образовательных квалификаций, званий и признаний, то социальный капитал имеет виртуальную форму, т.к. он формируется в процессе отношений между людьми и институтами, он образовывается «социальными обязательствами (связями), конвертируется при определенных условиях в экономический капитал» [9, с. 60]. Он не может быть отчужден и передан другому человеку, другой организации, другому региону, другой стране. Он — принадлежность именно того субъекта отношений, который его наследовал или сформировал, часто за очень длительный период времени. Размером социального капитала определяются круги влияния — на ближнее или дальнее расстояние. Такие характеристики социального капитала могут быть использованы как средство для измерения социальных дистанций и вообще для измерения социального неравенства в конкретном обществе — по отношению к его социальной структуре, в отношениях организаций и предприятий, регионов и территорий.

Предприятия и организации, которые обладают большим социальным капиталом — престижем, авторитетом, прочными связями с партнерами и с вышестоящими организациями или личными дружескими отношениями руководителей в верхних этажах власти («вхожестью в кабинеты начальства»), обеспечивают себе более успешное наращивание экономического капитала.

Наличие социального капитала определяет устойчивость общества, его стабильность и определенную консолидацию в рамках тех отношений, которые сложились здесь и сейчас. Вместе с тем для современных динамичных обществ стабильные социальные структуры и стабильный социальный капитал являются тормозом для развития, препятствуют становлению новых альянсов, способных действовать более эффективно, а также достижению индивидуальных целей и реализации индивидуальных интересов. Тенденции индивидуализации и ослабления социальных связей фиксируются в современных исследованиях социального капитала, особенно в динамично развивающихся странах с цифровой экономикой. Как отмечает Р. Флорида, обществу нового типа свойственны более разнообразные дружеские контакты, индивидуализация занятий и ослабление связей внутри сообщества. «Ослабленные связи имеют решающее значение для креативной атмосферы... поскольку позволяют быстро интегрировать новых людей и новые идеи и, тем самым, способствуют креативному процессу» [10, с. 296]. Наряду с социальным и другими видами капиталов на сцену выходит креативный капитал, способный преобразовываться в экономический капитал еще с большим эффектом, чем социальный.

Эти наблюдения эмпирически зафиксированы прежде всего по отношению к социальному капиталу на микро- и мезоуровне, и они вступают в противоречие с теми результатами, которые были получены ранее Р. Патнемом, Дж. Коулманом, другими учеными. Видимо, дело в том, что исследования были проведены в разные годы и в обществах, находящихся на разных стадиях развития — индустриальной и постиндустриальной, для которых социальный капитал имеет качественное своеобразие и разную роль в развитии.

В России эмпирические данные начала XXI века показали зависимость объема социального капитала от принадлежности индивида к имущественной страте и от наличия у него властного ресурса. Богатые, руководители в госсекторе и предприниматели обладают наибольшим объемом социального капитала по сравнению с другими группами, у них происходит конвертация одного вида капитала в другой, и это способствует накоплению у них ресурсов, позволяющих занимать в обществе господствующее положение [11, с. 24-35]. Думается, эта тенденция сохраняется в России и сегодня. Но появляются ли признаки того, что креативный капитал формируется в стране и может изменить ситуацию к более справедливому распределению социального капитала? Это проблема, требующая своего изучения.

Справедливость в распределении социального капитала влияет на состояние социального пространства страны, региона, той или иной территории, на напряженность этого пространства [12, с. 51-64]. Концентрация социального капитала в руках одной семьи, клана, рода, олигархического слоя, когда он сосредоточен в относительно узкой группе людей, работает на их интересы и зависит не от профессиональных качеств, культурного и образовательного уровня, а от других факторов — семейных, этнических, местных, от обладания экономическим капиталом, создает напряжение социального пространства, выход из которого не всегда происходит в результате переговоров, посредством мирных, законных акций протеста. Для более справедливого распределения социального капитала иногда организуются активные немирные акции, приводящие даже к смене руководства страны. Но есть и другие, тихие формы протеста в виде маргинализации слоев населения, миграции в другие регионы и территории, где мигрантам видится больше возможностей для развития и формирования своего социального капитала, где не блокируется их бизнес-активность и более открыты пути для восходящей социальной мобильности. К сожалению, в России структуры гражданского общества пока не обладают большими объемами социального капитала, но постепенно он растет, втягивая в орбиту благотворительности, добровольчества, волонтерства, активизма все большее число людей.

Опыт вологодских ученых в изучении социального капитала

На фоне многочисленных отечественных исследований социального капитала, из которых лишь малая часть упомянута в данной статье, заметны работы ученых из Вологодской области, которые вносят свой вклад в разработку теоретических, методических и эмпирических аспектов этой проблемы. Первой в ряду работ вологодских ученых обратила на себя внимание конференция, проведенная в 2012 г. в г. Череповце на базе Череповецкого государственного университета [13]. Во многих докладах рассматривались концептуальные основания теории социального капитала, история возникновения этой концепции. При этом явно доминировала ориентация на политическую составляющую в изучении социального капитала. Так, была выделена роль социального капитала в функционировании политической системы, в частности, в процессах политической мобилизации и протестного поведения, в формировании гражданского общества, особенности функционирования и роль социального капитала в обществах с авторитарными, а также несовершенными демократическими режимами. Был поставлен вопрос о влиянии государства и политических институтов на развитие социального капитала. Сделан важный вывод: недоверие органам власти со стороны населения может быть преодолено за счет подключения общественности в реальное, а не имитационное обсуждение и принятие решений по политическим и социальным проблемам развития современного российского общества [14, с. 11-22].

Конференция продемонстрировала интерес вологодских ученых к изучению социального капитала в широком контексте социально-культурного развития, формирования гражданских инициатив, деятельности СМИ, проведения модернизации и т.д. К этому времени социальный капитал Вологодской области на эмпирическом уровне специально изучался только в некоторых аспектах. Например, с использованием эмпирических данных были сделаны доклады, посвященные доверию в системе регионального гражданского общества, потенциалу протеста населения региона как формы проявления социального капитала, влиянию социального капитала на здоровье пожи-

лого человека, использованию Интернета при формировании социального капитала молодежи и другие.

Активизация в изучении социального капитала произошла с получением группой вологодских ученых гранта Российского гуманитарного научного фонда «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», который позволил провести эмпирическое исследование и подготовить коллективную монографию по этой теме [15]. В монографии представлена концепция социального капитала в ее историческом становлении, раскрыты возможности ее использования для изучения проблем социально-экономического развития региона и локальностей, показаны влияние кризиса на социальный капитал и обратное влияние социального капитала на протекание кризиса.

Анализу социального капитала предшествовало рассмотрение динамики общественных настроений жителей Вологодской области в период двух кризисов 2008–2009 и 2014–2015 гг., показавшее тот социально-политический контекст, в котором формируется и функционирует социальный капитал региона. Данные мониторинга общественного мнения, проводимого в течение нескольких лет Вологодским научным центром РАН, продемонстрировали довольно низкий и стабильный уровень потенциала протеста во время кризисов и между ними, предпочтение мирным формам возможных выступлений – митингов, демонстраций. Регулярные социологические исследования Центра позволили выявить главный фактор накопления скрытой протестной активности – негативную оценку деятельности различных структур и институтов власти. Второй фактор, показавший тесную связь с уровнем потенциала протеста, относится к социальному самочувствию жителей области. Третий фактор, влияющий на протестное настроение, формируется оценками экономической ситуации в стране и регионе, а также материального положения самого населения.

В изучении социального капитала населения Вологодской области ценен вывод, к которому пришли авторы монографии, основываясь на проведенном анализе: «Значимым фактором, влияющим на развитие гражданского участия населения, является невысокая спо-

собность российской системы политического представительства интегрировать интересы отдельных групп. В настоящее время слабо востребованы такие структуры гражданского общества, как политические партии, профсоюзы, общественные формирования, которые призваны быть проводниками реализации интересов различных групп общества» [15, с. 65]. Не удивительно, что в таких условиях социальный капитал населения развит слабо, имеет локализацию в основном в ближнем круге связей, что и показал проведенный анализ.

Авторы поставили амбициозную задачу измерить социальный капитал региона и его отдельных территорий, показать связь социального капитала с социокультурным и экономическим развитием территорий. Для этого была разработана модель измерения социального капитала. При большом разнообразии методик и набора показателей социального капитала, имеющихся в зарубежной и отечественной литературе (они рассмотрены в монографии), единой общепризнанной методики не существует, такой методики, которая могла бы «примерить» существующие подходы. Предлагая свою модель, авторы рассматривают социальный капитал как социальный индикатор интегрального типа, дающий возможность оценить состояние общественных отношений. «Как индикатор он представляет собой обобщающее понятие, включающее в себя совокупность операциональных понятий, позволяющих соединить его теоретическую и эмпирическую составляющие. В качестве операциональных понятий при измерении социального капитала выступают доверие, сети, ценности и нормы, солидарность, возможность влиять на положение дел» [15, с. 104]. Основным методом сбора информации явился опрос населения, в котором ответы респондентов служили индикаторами каждого компонента социального капитала. Респонденты были разделены на группы по объему социального капитала (критически низкий, низкий, средний, выше среднего, высокий) и была показана взаимозависимость всех групп компонентов (доверие, сети, ценности и нормы).

Анализ данных показал зависимость объема социального капитала, которым располагает население Вологодской области, от территории

проживания. При сравнении двух крупнейших городов области – Вологды и Череповца – оказалось, что *большой* объем социального капитала сосредоточен в областной столице. Здесь же выше уровень доверия, а жители районов области более настороженно относятся и к ближнему, и к дальнему окружению, чем жители и Вологды, и Череповца. Только в отношении своих соседей жители районов более доверчивы, чем жители двух этих городов. В целом исследование показало, что независимо от локализации особенностью социального капитала является ориентация на узкий круг родных и близких; социальный капитал формируется и функционирует в основном на микроуровне, в локальных сетях, при низком уровне институционального доверия и слабой гражданской активности. Социальный капитал положительно коррелирует с оценками экономической и политической ситуации в регионе, с оценками собственного материального благополучия. Наличие более высокого уровня накопленного социального капитала положительно влияет на отношение респондентов к жизни, определяет их активную позицию и ответственность. Напротив, респонденты с низким уровнем социального капитала меньше доверяют окружающим, не чувствуют себя включенными в социальные сети, тем самым не рассчитывают на чью-либо поддержку. Одновременно они не чувствуют себя ответственными за положение дел как в своей жизни, так и в обществе. Всё это формирует их в целом угнетенную жизненную позицию.

Особенности социального капитала в Вологодской области не составляют какого-то исключения в России. Такая же ситуация характерна и для других регионов и локальностей. Если сравнить социальный капитал населения России и других европейских стран, то видны существенные отличия, особенно по отношению к наиболее модернизированным странам, например Северной Европы. Сравнение социального капитала населения России и других европейских стран, выполненное на основе данных Европейского социального исследования, показало, что по уровню межличностного доверия, тесноте дружеского общения, доверию государственным институтам и общественным организациям, гражданской идентичности Россия располагает на одном

из последних мест [16, с. 84–97]. Сравнительное исследование вновь подтвердило, что общества с развитым социальным капиталом, включающим высокий уровень доверия, сильную гражданскую идентичность, позитивные социальные связи и отношения, имеют более благоприятные возможности для экономического развития, для функционирования в стране постиндустриальной экономики и демократического режима. Впрочем, это движение встречное – такой тип экономики и общества стимулирует рост социального капитала на всех уровнях. Как и другие формы капитала, социальный капитал требует поддержки и прирастает в процессе своего активного использования.

В последних главах монографии ученых из Вологодского научного центра РАН, посвященной социальному капиталу, основное внимание уделяется социальному капиталу молодежи и семьи как главной и первой структуры, где начинает формироваться этот ресурс развития человека и общества. Весьма тревожно, что даже в молодежной среде уровень доверия к людям вне семейного круга и к институтам общества очень низкий, широко распространен индивидуализм и отсутствует желание участвовать в общественной жизни. Молодежь является как бы «сколком» с взрослого населения, воспроизводит его отношение к социально значимым формам взаимодействия.

Большая работа, проделанная авторами монографии и участниками проекта, особенно создание индикаторной модели измерения социального капитала, открывает возможности для более детального изучения социального капитала социальных, профессиональных, гендерных, поселенческих, возрастных и других групп и слоев общества, разных типов семей и прочих малых групп, которые, как показал проведенный анализ, являются основными носителями и производителями социального капитала в современном российском обществе. Проблема распространения социального капитала за пределы малых, ближних кругов взаимодействия является актуальной политической и социальной проблемой для повышения солидарности и участия в общественной жизни, преодоления отчуждения власти от населения, возникновения и укрепления между ними взаимного доверия.

Заключение. Данное исследование выполнялось с целью найти те новые аспекты анализа социального капитала, которые позволят выявить неиспользованные ресурсы этой концепции для углубления анализа отношений на нескольких уровнях – микро, мезо, макро и мета. Концепция социального капитала обладает зонтичным эффектом, покрывающим целый спектр отношений, способных воздействовать на успешность или неуспешность деятельности человека, малых групп, организаций, предприятий, общества, наконец, межгосударственных объединений и союзов. Новым ракурсом изучения социального капитала должна стать проблема включенности в него морального капитала, который позволяет выстраивать отношения, основанные на доверии, лояльности, взаимности, солидарности, уважении и справедливости. Встраивание морального капитала в культуру общества создает прочный фундамент отношений, «работающих» на результат развития в той или другой сфере и на прогресс всего общества. Этот аспект анализа требует своего эмпирического исследования с целью превращения социального капитала в открытый, «перекрывающий» капитал, что для такой страны, как Россия, является острой и долгосрочной задачей. Сегодня в России только социальный капитал микроуровня (отношения в семье и с друзьями) приближается к уровню европейских стран, но плохо развито доверие на других уровнях и к государственным и общественным институтам.

Измерение социального капитала, прежде всего в рамках сравнительного исследования, позволяет выявить не использованные для развития возможности, особенно в период становления цифровой экономики, когда субъектом социального развития становится интеллектуально развитый индивид, ценящий доверие, проявляющий солидарность и имеющий тесную сеть отношений. Проблемы становления развитого социального капитала актуальны для всех регионов России, поэтому исследование, проведенное вологодскими учеными в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», вызывает закономерный интерес. Индикаторная модель, разработанная авторами исследования, позволила оценить объем и проследить зависимость социального капитала от социально-экономического развития локальностей, определить структуру его уровней. Можно поддержать вывод, сделанный авторами исследования: независимо от локализации особенностью социального капитала в Вологодской области является ориентация на узкий круг родных и близких; социальный капитал формируется и функционирует в основном на микроуровне, в локальных сетях, при слабо развитом институциональном доверии и низкой гражданской активности. К сожалению, этот вывод актуален не только для Вологодской области, но и для других регионов и страны в целом.

Литература

1. Bourdieu P. The forms of capital. In: Richardson J. (Ed.). *Handbook of Theory and Research for Sociology of Education*. New York: Greenwood Press, 1986. Pp. 241–258. <https://www.marxists.org/reference/subject/philosophy/works/fr/bourdieu-forms-capital.htm>
2. Бурдьё П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, М.: Институт экспериментальной социологии, 2001. 562 с.
3. Adler P.S., Kwon Seok-Woo. Social capital: the Good, the Bad, and the Ugly. In: Lesser E.L. (Ed). *Knowledge and Social Capital: Foundations and Applications*. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.186928>. (дата обращения: 11.04.2019).
4. Claridge T. *Criticisms of Social Capital Theory: and Lessons for Improving Practice*. Available at: <https://www.socialcapitalresearch.com/criticisms-social-capital-theory-lessons/> (дата обращения: 11.04.2019).
5. Беляева Л.А. Нематериальный капитал: к методологии исследования // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 36–44.
6. Толковый словарь живого великорусского языка : [в 4 т.] / [соч.] Владимира Даля. 3-е изд., испр. и знач. доп., изд. под ред. [и с предисл.] проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 2. СПб.; М.: Т-во М.О. Вольф, 1905. 2030 с.

7. Дискин И.Е. Социальный капитал в глобальной экономике // *Общественные науки и современность*. 2003. № 5. С. 150–159.
8. Sztompka P. Moral capital: an important prerequisite for social change and successful modernization. In: *Global Modernization Review (II): Modernity and Diversity in New Era*. Beijing, Science Press. Available at: <http://en.modernization.ac.cn/upload/filedoc/20181127/FD201811271018052140.pdf> (дата обращения: 10.04.2019).
9. Бурдые П. Формы капитала // *Экономическая социология*. 2005. Т. 6. № 3. Май. С. 60–74.
10. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее: пер. с англ. М.: Классика – XXI, 2007. 430 с.
11. Тихонова Н.Е. Социальный капитал как фактор неравенства // *Общественные науки и современность*. 2004. № 4. С. 24–35.
12. Беляева Л.А. Культурный и социальный капитал и напряженность социального пространства России // *Общественные науки и современность*. 2013. № 5. С. 51–64.
13. Социальный капитал как ресурс модернизации в регионе: проблемы формирования и измерения. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. 16–17 октября 2012 г.: в 2 ч. Ч. 1. 198 с. Ч. 2. 175 с. Череповец: ЧГУ, 2012.
14. Афанасьев Д.В. Социальный капитал: концептуальные истоки и политическое измерение // Социальный капитал как ресурс модернизации в регионе: проблемы формирования и измерения. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, 16–17 октября 2012 г.: в 2 ч. Череповец: ЧГУ, 2012. Ч. 1. 198 с.
15. Региональный социальный капитал в условиях кризиса : монография / Т.А. Гужавина, Д.В. Афанасьев, И.Н. Воробьева и др. : Череповец. гос. ун-т. Череповец : ЧГУ, 2018. 220 с.: ил., табл.
16. Беляева Л.А. Региональный социальный капитал и множественная модернизации в России. К постановке проблемы // *Экономические и социальные перемены*. 2014. № 1. С. 108–115.

Сведения об авторе

Людмила Александровна Беляева – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН (109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1; e-mail: bela46@mail.ru)

Belyaeva L.A.

Social Capital: Problem Field and Empirical Research

Abstract. The article analyzes the concept of social capital as a successful metaphor that covers a whole range of relations that can affect the success or failure of activities of an individual, small groups, organizations, enterprises, society, and finally, interstate associations and unions. We show that the study of social capital is accompanied by relentless disputes about the essence of the concept; there are supporters and opponents of its legitimacy and rationality of use in scientific analysis. Despite the controversy, both proponents and critics of social capital note the productivity of the use of this concept, which is a complex social phenomenon that requires in-depth study. Social capital is considered in relation to the scale of those objects whose part it is and in relation to which it operates at the micro-, meso-, macro- and meta-levels. Social capital gives benefits on any of these levels and is fixed in economic, political, and cultural advantage. A component of social capital, as shown by the Polish sociologist P. Sztompka, is a moral capital that helps build relationships based on trust, loyalty, reciprocity, solidarity, respect, and justice. Embedding moral capital in the culture of society creates a solid foundation for the relations that contribute to the development in one or another area and to the progress of the whole society. Acting according to moral rules can mitigate the existing injustice in the distribution of social capital. A good example of the use of the concept of social capital is provided by a study carried out at Vologda Research Center on the basis of an indicator model. The connection of social capital with the socio-cultural and

economic development of the territories is shown, the actual problems of the spread of social capital beyond the small, near circles of interaction are revealed. Addressing these problems is an urgent political and social task; it will help increase solidarity in society, overcome the alienation of the population from power, and create and strengthen mutual trust between them.

Key words: social capital, its components, moral capital, indicator model, solidarity.

Information about the Author

Lyudmila A. Belyaeva – Doctor of Sciences (Sociology), Leading Reseaecher, RAS Institute of Philosophy (12, Goncharnaya Street, Moscow, Russian 109240, Federation; e-mail: bela46@mail.ru)

Статья поступила 22.05.2019.